

«России нужно набраться терпения», —

считает Майкл Кайзер, директор Центра искусств им. Дж. Кеннеди в Вашингтоне

Ирина АКИМУШКИНА,
«Новые Известия»,
Вашингтон

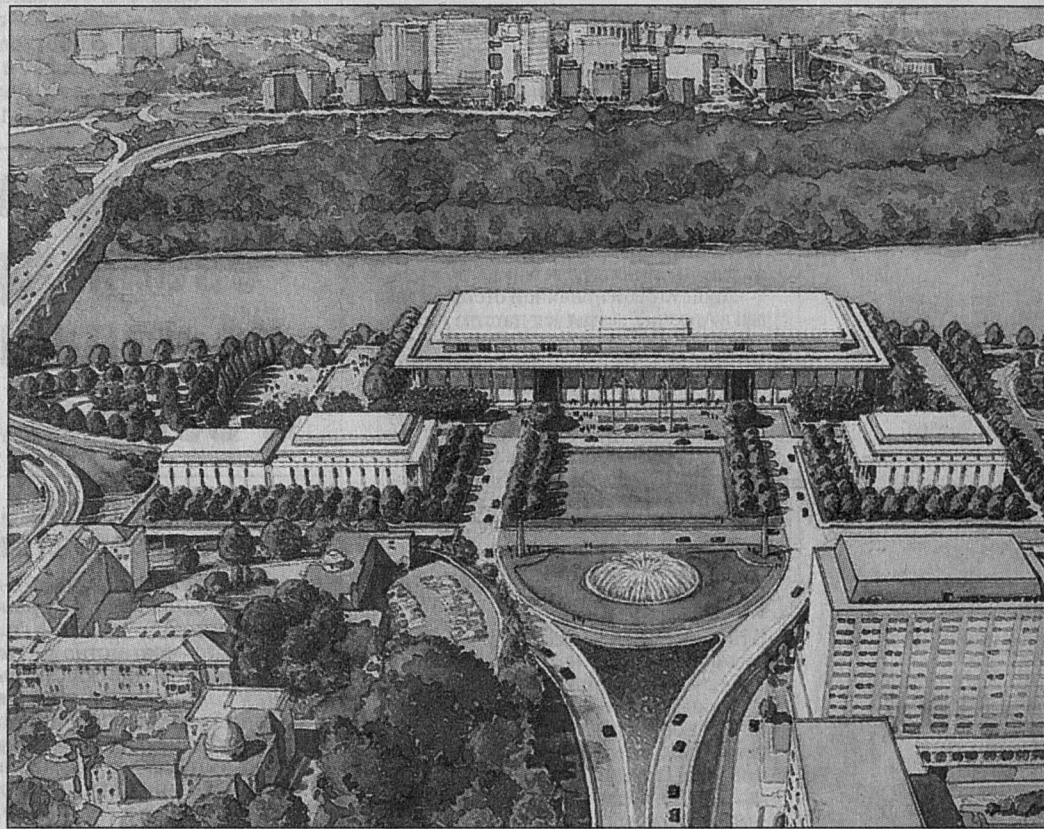

Майкл Кайзер совсем недавно возглавил один из самых знаменитых в мире концертных и театральных залов — Центр Кеннеди в столице США Вашингтоне. Одновременно с его назначением произошло и еще одно важное событие: известный в Америке меценат Альберто Вилар выделил 50 миллионов долларов (впервые в истории Соединенных Штатов) на 10-летнюю программу сотрудничества Центра Кеннеди с Мариинским театром. В связи с этим некоторые американские театральные критики заявили о том, что Россия приобрела в лице Майкла Кайзера «самого пророссийски настроенного» высокопоставленного театрального менеджера в Америке.

О своих взаимоотношениях с русским искусством господин Кайзер, который обычно выступает исключительно на общих пресс-конференциях, рассказал в своем эксклюзивном интервью для «Новых Известий».

— Господин Кайзер, после того как Центр Кеннеди получил контракт на 10 лет на сотрудничество с Мариинским театром, некоторые американские критики обвинили вашу организацию в том, что она стала чуть ли ангажированно пророссийской. Ведь на сцене оперы в Вашингтоне постоянно поют российские солистки, русские танцуют в балете и играют в оркестре, даже филантроп Вилар выделил огромные деньги не кому-либо, а именно российскому театру. Действительно ли, на ваш взгляд, в Америке сейчас установилась своего рода «русская культурная монополия»?

— Сразу хочу вам сказать, что не

В следующем сезоне Мариинка и Большой дадут в Центре Кеннеди 20 спектаклей.

замечаю и не наблюдаю никакого русского культурного вторжения в Америке вообще и в Вашингтоне, в частности. Наша политика очень прагматична: мы хотим, чтобы на нашей сцене выступали лучшие исполнители мира. Их мастерство, класс, репертуар — вот те критерии, на которые мы ориентируемся. Так сложилось, что в России есть очень большое количество прекрасных артистов. Если брать следующий сезон, то у нас действительно будет выступать Мариинский театр, опера и балет, будут гастролить Большой театр. Оба театра будут выступать по три недели и дадут 20 спектаклей, что лишь очень небольшая часть нашего репертуара.

Тем самым хочу подчеркнуть, что мы не хотим, чтобы в Вашингтоне был крен в сторону искусства какой-либо страны: по-моему, Россия будет хорошо у нас представлена, и американский зритель сможет увидеть и услышать лучшее из того, что у нас есть.

— Чем вы все-таки объясните сохраняющийся интерес американцев к русскому искусству? Ведь общий фон освещения России и жизни в на-

шей стране в американских СМИ за последние несколько месяцев — это сплошной негатив: коррупция, Чечня, отмывание денег. И тем не менее на популярность русского искусства в США все эти «российские беды» никак не влияют...

— В Америке традиционно очень четко отделяются политические, во многом конъюнктурные чувства от понимания и оценки искусства, его качества и уровня. Люди у нас хорошо могут отличить выступления политиков от выступлений артистов, скажем, балета. Американцы заряжаются, как батарейки, и надолго, после выступлений Мариинского театра, таких исполнителей, как Нина Ананишвили, Елена Образцова, других представителей русского искусства. Я знаю, что сейчас Большой театр переживает нелегкие времена, но американцы его очень любят, хотят видеть у себя артистов этой труппы, и никаких отрицательных чувств, поверьте мне, к России по причине ваших домашних проблем здесь не испытывают.

— Господин Кайзер, в свое время вы тесно сотрудничали с американ-

ским экономистом русского происхождения, лауреатом Нобелевской премии Василием Леонтьевым. Позднее долгие годы вы занимались взаимосвязями искусства и бизнеса. По какому пути, на ваш взгляд, должны развиваться взаимоотношения между искусством и бизнесом в России: должно ли оно по-прежнему субсидироваться и фактически содержаться государством или все-таки российским театрам и труппам нужно ориентироваться на частные пожертвования, крупный бизнес и не ждать милости от правительства?

— Я думаю, что вопрос финансирования искусства больше касается не морали, а реальной практичности. Однозначного ответа на такой вопрос дать просто невозможно. Ни в одной стране систему финансирования искусства невозможно изменить ни радикально, ни быстро. Примером таких проблем могут служить изменения, которые произошли в ЮАР с финансированием искусства после развала системы апартеида. Искусство в этой стране потеряло поддержку частных доноров, но и государство не смогло взять на себя всю ответс-

На этой престижной сцене даже Биллу Клинтону довелось дирижировать Национальным симфоническим оркестром.

ственность за содержание творческих коллективов.

Я думаю, что в России за короткий период просто нереально создать эффективную систему частного финансирования искусства, как нельзя сразу же создать систему частных фондов, которые бы поддерживали искусство. Российское государство в любом случае должно поддерживать творческих людей. У нас в Америке более ста лет правительство практически не оказывало поддержки искусству и не выделяет на его развитие каких-то бюджетных средств. То есть сто лет в США ушло на то, чтобы создать систему частного финансирования искусства, а это, согласитесь, очень длительный период.

Другой вопрос: а можно ли на данном этапе в России создавать эффективные финансовые структуры, которые бы поддерживали искусство? Безусловно, можно и нужно. Дело в том, что не только в России, но и во многих других странах мира нет достаточного умения управлять такими финансовыми вопросами, нет специалистов по менеджменту в искусстве, а это очень

непростая работа. Этому надо учиться, и начинать такое серьезное дело в России надо уже сегодня.

— В России, как известно, за прошедшие десять лет сформировался достаточно многочисленный класс богатых людей. Что, на ваш взгляд, можно сделать, чтобы так называемые олигархи и другие «небедные» российские подданные не складывали свои миллионы на счета швейцарских банков, а вкладывали в развитие искусства в своей собственной стране? Ведь несмотря на обращения наших видных деятелей культуры «поделиться» на искусство, очень немногие «богатенькие» в России выделяют даже минимальные средства на его поддержку...

— Культура выделения средств на развитие искусства во всем мире зависит от того, какие законы принимает правительство для того, чтобы создать благоприятные финансовые условия для такой щедрости людей. Что в Германии, что во Франции, что в России люди просто не готовы давать деньги за просто так из своего кармана, и даже на такое благородное дело, как развитие культуры. Для того, что-

бы дело пошло, на «нижнем» уровне менеджеры, собирающие деньги, так называемые «фандрейзеры», должны создать привлекательную структуру, которая была бы прозрачна, эффективна и привлекательна для тех, кто потенциально мог выделить безвозмездно деньги на искусство.

Теперь о том, кто мог бы давать деньги на искусство. В России, я слышал, любят ссылаться на опыт таких людей, как Третьяков, и некоторых других, кто, будучи богатым, еще до революции 1917 года выделял личные средства на сохранение и развитие культуры. Однако в России что раньше, что сейчас (да и в других странах Европы та же картина), никогда не было широкой финансовой поддержки культуры и искусства со стороны общественности. Посмотрите на Центр Кеннеди: в его фонд вносят деньги десятки тысяч людей, это очень широкая база поддержки, и на таком уровне гораздо проще решать многие финансовые вопросы.

— Одной из важных составляющих программы сотрудничества Центра Кеннеди и Мариинского театра

благодаря гранту А. Вилара станет поиск и подготовка молодых артистических дарований в России для оперы и балета. При этом, насколько я знаю, упор в этой работе будет сделан на российскую глубинку. Есть ли какой-то шанс, что, после того как эти «будущие звезды» будут отысканы на бескрайних российских просторах, подготовлены и «выведены в люди», они все станут выступать у себя на родине, а не гастролировать между Миланом и Нью-Йорком?

— Что касается конкретно работы по программе сотрудничества с Мариинским театром именно Центра Кеннеди, то мы будем готовить арт-администраторов для российских театров. Мы их здесь будем готовить, и потом они поедут в Россию на работу в свои коллективы. Что касается «молодых дарований», то никто у нас не ставит перед собой задачу забрать у России таланты, вывезти их на Запад и держать в наших театрах.

Я работал во многих труппах и коллективах театров и могу с уверенностью сказать, что участие в турне — это элемент огромного творческого подъема для всех артистов. Не надо бояться того, что отысканные русские таланты из провинции сначала уедут в Москву или Санкт-Петербург, а потом будут выступать на ведущих западных сценах. Это обычное явление не только для России, но и любой другой страны. Другой вопрос, что в России нужно разработать систему неких компенсаций провинциальному театру, который подготовил прекрасную балерину, скажем, для Мариинского театра, а уже этот театр наверняка может претендовать на компенсации, если его солиста приглашают на сцены ведущих театров мира с гастрольными.

В любом случае, на мой взгляд, в российском искусстве, и прежде всего в системе управления им, должны произойти важные изменения. Совершенно по-новому нужно смотреть на массу еще вчера понятных и простых вещей. И, конечно же, набраться терпения, упорно работать, потому что в Америке, которую часто приводят в России в качестве примера, ничего не было создано, как говорится, «за одну ночь». Это потребовало времени, упорства, изучения собственных ошибок, и только потом система взаимоотношений искусства и бизнеса, искусства и государства была в Соединенных Штатах четко отлажена.